

Я не мог плакать, когда произносил речь. Я не мог плакать, когда моего лучшего друга закопали в землю. Я не мог...

Когда все уже разошлись, а я стоял на месте, ко мне подошла Катарина.

— Милый... Пойдём, ты замёрзнешь, — она набросила на мои плечи шаль и, обняв за плечи, повела в церковь.

Там она усадила меня на скамью.

— Я хочу тебе кое-что рассказать.

Когда я была маленькой, мой отец рассказывал мне историю о необычном мальчике.

В деревне вместе с родителями и тремя братьями жил мальчик. Его называли сыном солнца, ведь круглый год на его носу сияли веснушки. И имя у него было солнечное — Лабберт — яркий. Сама деревня была тёмной, глухой и мрачной, люди — скучными и угрюмыми.

У мальчика был свой островок солнца: небольшая поляна недалеко от деревни, покрытая нарциссами. На этой поляне однажды Лабберт встретил девочку с длинными чёрными косами, похожую на оленёнка: с большими глазами и маленьким носом и губками. Звали её Хайке. Девочка посоветовала Лабберту отправиться на другой конец деревни, к озеру, где живёт колдунья. Причём, никто не знал, быть может это — добрая фея, а может и злобная ведьма.

С утра пораньше Лабберт взял у отца лодку и сквозь утренний туман поплыл по прозрачному, будто бы зеркальному, озеру. И правда: на другом берегу стояла одинокая лачужка, заросшая плющом. Внутри домик оказался гораздо больше, чем выглядел снаружи: на многочисленных полочках на стенах ютились, как птички, баночки и склянки, в стеклянных шкафах сквозь матовые стёкла еле-еле виднелись ступки и связки трав. А в углу, возле камина, хлопотала хозяйка — черноволосая низенькая старушка, бормотавшая что-то на латыни.

— Здравствуйте, бабушка, — мальчик собрал всю смелость в кулак и обратился к колдунье.

— Здравствуй, солнечный зайчик. Я знала, что ты придёшь: я всё вижу.

Старушка повернулась к Лабберту и широко улыбнулась. Да так, что сам мальчик не смог сдержать улыбки.

— Я пришёл от Хайке. Она...

Не успев договорить, Лабберт встал, как вкопанный, и не смог пошевелить даже пальцем. Колдунья смешала в ступке какие-то травы и цветы, прошептала что-то невнятное, и целое облако обрушилось на мальчика. Только после этого Лабберт смог сдвинуться с места.

— Иди, солнышко. И не забывай смотреть под ноги, — старушка подмигнула мальчику и захлопнула перед ним дверь.

Лабберт не успел ничего понять, но рассмеялся странной, но приятной бабушке, и уплыл. Вернувшись в деревню, мальчик вприпрыжку бежал домой, чтобы поделиться с семьёй этой весёлой историей. Его ни капельки не смутило то, что все односельчане смотрели ему вслед, выглядывая из окон. Остановившись на полпути к дому, Лабберт вспомнил слов старушки: "Не забывай смотреть под ноги" — и опустил глаза вниз. Под босыми ногами мальчика была ярко-зелёная трава с разноцветными цветами. Охнув, он повернулся: за мальчиком по земле

тянулась полоса зелени с пышными цветами.

С каждым шагом Лабберта деревня становилась всё ярче и светлей, а жители счастливей и веселей. Лабберт даже забыл о своей полянке с нарциссами и Хайке. Прошло несколько дней, и мальчик наконец-то отправился проводить девочку-олёнёнка.

— Хайке! Ты не поверишь. За мной появляется трава и цветы, представляешь?! — мальчик чуть не упал в нарциссы от усталости.

— Здравствуй, солнечный зайчик, — в мгновение ока девочка превратилась в ту самую колдунью.

— Это были вы? Вы — Хайке?

— Ты был рождён для того, чтобы нести прекрасное в мир, мой мальчик. Твои веснушки светятся на солнце, ты никогда не замечал? Такие люди отмечены солнцем, Лабберт.

Колдунья растворилась в воздухе, оставив мальчика наедине с раздумьями.

— Малкольм тоже был отмечен солнцем... — я понял смысл этой сказки.

— Именно, maus. Он — частичка солнца, а солнце у каждого своё. И потому — вечное. Твоё солнце живо, не так ли, Адам? И оно никогда не погаснет. Я звала его «солнышком», и он любил эту сказку больше всех остальных моих, — она достала сигарету и закурила.

Я сидел рядом с Катариной и думал. Просто думал, даже не зная, о чём. Я просто вспоминал.

Я пришёл в тот самый магазин, где мы были зимой, и положил его книгу на ту самую полку, на самое видное место. Я сфотографировал полку на фотоаппарат мгновенной печати. Я был уверен в том, что меня прогонят или даже арестуют, но мне было всё равно. Я озирался по сторонам, моя рука сама тянулась к книге, чтобы забрать её. Мне казалось, что весь мир в этот момент остановился. Меня не заметили, ну или попытались не замечать.

Весь оставшийся день я бродил по городу и вспоминал самые лучшие моменты с самым лучшим человеком в моей жизни: наше знакомство, нашу мантру — «Мечты не должны быть погребены под слоями сомнения», нашу первую встречу с Аннабель, как он подарил мне этот галстук и разочаровался в этом подарке, как я бинтовал ему руку, как он танцевал у меня дома, как мы дрались из-за того, кто же будет спать на кровати, как он раздавал мне советы о том, что делать, что говорить Аннабель и всё такое...

Я вспоминал его последние слова, его последний звонок...

Спустя 5 лет перед своей свадьбой я положил на могилу Малкольма приглашение на свадьбу. То самое, серое с чёрными и белыми геральдическими лилиями.

— Я сдержал своё обещание, Пэрриш. Ты же придёшь? — я был взволнован, — Конечно же ты придёшь. Всё сделано по твоим советам — от приглашений до галстуков. Вот только... я не умею завязывать галстуки до сих пор, прости меня... Я люблю тебя, Малкольм. Я люблю тебя.

Каждый раз я надеялся увидеть его. Как привидение, как игру воображения — неважно. Просто увидеть, просто прикоснуться.

— А что же Аннабель? Где она сейчас?

— С ней всё хорошо, она по-прежнему прекрасна, как и 28 лет назад. Спустя пару недель после похорон, миссис Пэрриш ушла от мужа, обвинив его в смерти сына, а бизнес мистера Пэрриша рухнул. Этого удара он не выдержал. А вот миссис Пэрриш жива до сих пор, но живёт она где-то очень далеко. Декстер и Катарина постоянно в разъездах, ведь Пэрриш-средний занят военной карьерой. Так что, теперь могилу Малкольма Пэрриша посещают лишь трое: я, моя жена Аннабель Говард, в девичестве Отис, и наша дочь Элиза.

Однажды Элиза увидела фотографию Малкольма в моём школьном альбоме.

— Папа, это тот самый Малкольм Пэрриш? Какой же красивый... — тогда она заплакала, я обнимал её крепко-крепко, — Почему он так рано погиб, папа?!

— Иногда мне кажется, милая, что в тебе его душа. Такая же чистая и светлая. И у тебя веснушки!

— А представь, каким он был бы сейчас... Папа...

Я не мог ей отвечать, мне было слишком больно. Я никогда не рассказывал ей про Пэрриша многого.

— Мам, а ты? Кем он был в твоей жизни?

— Знаешь, доченька, — жена вводила Элизу подальше, когда видела, что я на грани очередного срыва, — Если бы не он, мы бы с твоим отцом не познакомились.

— Он нравился тебе, мама?

— Твоя любознательность... Нет, не нравился. Мне нравился твой отец, а особенно его всегда растерянное выражение лица.

— А Александр? Он какой? — она говорила о сыне Декстера и Катарины, Александре. Юноша был военным, как и его отец.

Во время одного из редких возвращений четы Пэрришей на родину, мы собрались вместе. К превеликому счастью моей дочери, Александр оказался очень похожим на Малкольма: те же широкие густые брови, то же квадратное лицо, та же причёска. Только Александр был бледней, выше и крепче, как Декстер.

— Oh mein Gott, Elise! — колдунья-Катарина рассмеялась, увидев раскрывшую рот от удивления Элизу.

— Я уже чувствую свадьбу, друг мой, — шепнул мне Декстер, подмигнув.

В день рождения Малкольма я пришёл к нему.

— Здравствуй, друг... Совсем скоро мы станем официально родней... Не верится, правда? Ты бы видел мою дочь, когда она увидела Александра! Вы похожи. Очень. Она скорбит по тебе, как и я, как и Анабель. Вот только она совсем тебя не знала, и Элизе от этого лишь печальней. Я представляю, как ты говорил бы ей: «Элиза, милая, ради всего святого, не называй меня Малкольм» — и смеялся... Она такая же светлая, как и ты. А знаешь, Мал... Пэрриш, вы с Александром переняли мягкость внешности твоей матери. Декстера это как-то обошло стороной. Это будет третья свадьба на твоей памяти, даже не верится. Я чувствовал твоё присутствие 24 года назад, я... до сих пор не умею завязывать галстуки, прости... Тогда я

попросил Катарину о помощи и был таким же красным, как и тот галстук, что ты подарил мне.

Я говорил долго, очень долго, пока на моё плечо не легла рука дочери. Она мягко улыбнулась мне и присела рядом, положив на могилу букет и красивый конверт с приглашением на свадьбу.

— Папа... Я могу?..

Я молча встал и ушёл. Я слышал лишь обрывки фраз моей девочки, а на мои глаза наворачивались слёзы. Мне хотелось упасть на траву и разрыдаться, как тогда... когда мне позвонили и сказали о трагической гибели моего лучшего друга. Меня сдерживало только элементарное желание не быть сопляком в глазах уже взрослой дочери. Но я не смог. Я не смог сдержаться. Я рухнул на землю, захлёбываясь слезами, и подполз к большому дереву, чтобы опереться на него спиной. Из моих глаз катились слёзы, я кричал, срывая глотку, постоянно повторяя: «Нет! Почему?!». Мне было больно, просто больно, и ничего более. Когда во мне уже не осталось сил плакать, когда виски сдавливала дикая боль, я открыл глаза, и на мгновение мне показалось, что возле меня сидел он, Малкольм, и улыбался... Но нет. Конечно же, это была Элиза; дочь обнимала меня и плакала сама. А как мне хотелось в тот момент хоть на секунду увидеть Пэрриша. Ещё раз взглянуть в его огромные серые глаза над целым мостом из веснушек от уха до уха. Хоть раз улыбнуться в ответ на его широкую ассиметричную улыбку. Услышать, как он говорит мне: «Эй, Говард!» — так, как не может сказать никто. Я был готов отдать всё, что у меня есть, любые деньги, да даже свою жизнь.

Я пытался заглушить, хоть как-то унять эту боль в себе практически 30 лет, но до сих пор я не могу забыть этого... этого парня. Меньше чем за год два абсолютно разных человека настолько сблизились, что стали практически частью друг друга.

Я всегда помнил Пэрриша, я всегда любил его...

Несколько лет назад я собственноручно собрал деньги, работая сверхурочно, откладывая несколько лет; я собирал их для того, чтобы осушить то чёртово озеро. Я помню, я копил деньги лет 5, чтобы больше ни одна душа не находилась там. Когда я приехал к старому дому Пэрришей, и машины начали свою работу, я вошёл в дом. Он был полон старых вещей, ведь миссис Пэрриш выезжала из дома в спешке, все картины были на своих местах. Я поднялся по лестнице на второй этаж, к комнате Малкольма. Она была такой же, какой я помнил её практически 30 лет назад. Я открыл шкаф и был ошарашен: вся одежда была совершенно нетронута ни временем, ни молью. На вешалках висела форма «Вестфилда», добрая дюжина рубашек, а внизу аккуратно, как будто под линейку, была расставлена обувь. В окно я слышал гул машин, переговоры рабочих, а в моей памяти всплывали самые лучшие воспоминания. Я вышел на балкон, откуда было видно озеро, и вспомнил наш диалог:

« — У тебя с балкона видно озеро. Красиво.

— Ага. Всё детство хотелось там поплавать летом, но вода всегда холодная.»

— Господи...

Я был напуган теперь. Тогда я даже не мог представить, как всё обернётся... И знаешь, Патрик... Я был в ужасе. Тогда ещё ходили слухи, что это был не несчастный случай, а самое простое самоубийство. Только представь себе это.

— Мистер Говард! — закричал мне рабочий из бригады, когда увидел меня на балконе, — Вы можете ехать домой, тут работы на пару суток!

Я спускался, нехотя. Выйдя из бывшего дома Пэрришей, я хлопнул бригадира по плечу и уехал. На следующее утро меня разбудил звонок.

— Мистер Говард, простите, что так рано. Мы закончили, ребята отгоняют машины через час. Успеете подъехать?

— Да... да, конечно, успею.

Ты даже не можешь себе представить, как я был счастлив увидеть вместо того злополучного озера пустырь. Я заплатил сверх нормы, горячо поблагодарил ребят и ещё полчаса, наверное, простоял на месте.

Ну, иди, Патрик. Уже почти ночь, а завтра вставать рано. Послушай меня: береги своих друзей. Береги Доминика, никогда не бросай его. Будьте всегда вместе, всегда рядом друг с другом...

— Хорошо, мистер Говард. Я буду, — Патрик закивал, прощаясь с мистером Говардом.

Ещё никогда столько мыслей не крутилось в его голове. Ещё никогда он не был так поражён и одновременно растерян. Все уже давным давно спали, только Доминик ждал своего друга в комнате, ужасно волнуясь.

— Господи, я чуть не умер. Я же волновался! — Доминик налетел на друга с объятиями, чуть тот вошёл.

Патрик зарылся лицом в рубашку Доминика.

— Ну что там? Выпутал что-нибудь?

— Я люблю тебя, Холл.

— И я тебя. Ну так что? — Доминика прямо распирало любопытство.

— Я узнал, что Малкольм Пэрриш был прекрасным человеком. И мистер Говард теперь для меня открыт с другой стороны.

— Он умер, да? — Доминик сам расстроился, глядя на печальное лицо друга.

Патрик ничего не смог ответить, а Доминик лишь сел на кровать рядом с другом и обнял его, когда тот уронил голову на его плечо.

— Мы будем друзьями вечно, Доминик? Я так не хочу тебя терять, как мистер Говард потерял Малкольма Пэрриша... — голос Патрика дрожал.

— Конечно же будем, Пэтти. Даже не сомневайся в этом.

Друзья так и сидели, обнявшись, а мистер Говард наблюдал за ними через приоткрытую дверь с улыбкой, надеялся, что ни одному из ребят не доведётся испытать того, через что прошёл он. И надеялся, что Малкольм Пэрриш сейчас тоже где-то рядом и смотрит на этих двух непохожих друг на друга людей, которые так близки. Ведь когда-то и Пэрриш обнимал Говарда точно так же.